

БЛАГОДАРНОСТИ

Эту биографию можно считать уникальной хотя бы потому, что история, рассказанная на этих страницах, никогда бы не появилась, если бы не полное и всеобъемлющее сотрудничество Дианы, покойной принцессы Уэльской. Эта история основана на длительных, зафиксированных на пленку интервью с Дианой, которые были дополнены рассказами ее семьи и друзей. Как и Диана, они говорили честно и откровенно, несмотря на то, что это могло означать отказ от укоренившихся привычек к осмотрительности и преданности, неизменно порождаемых близостью к королевской семье. И поэтому моя благодарность им за сотрудничество еще более сильная и искренняя.

Также я очень благодарен брату принцессы Уэльской Чарльзу, девятому графу Спенсеру, за его рассказы и воспоминания о сестре, в особенности о ее детстве и юности.

Также я признателен баронессе Фалкендер, Кэролайн Бартоломью, Сью Бичи, доктору Джеймсу Колтерсту, Джеймсу Гилби, Малкольму Гроувсу, Люсинде Крейг Харви, Питеру и Нилу Хиклингамам, Феликсу Лайлу, Майклу Нэшу, Делиссе Нидхэм, Адаму Расселу, Рори Скотту, Анджеле Сероте, которая в настоящее время является баронессой Бернштейн из Крэйгвейла, Мюриэл Стивенс, Уне Тоффало и Стивену Твиггу.

Выражаю признательность профессору Джону Тейлору и доктору Франку Прочаске за их идеи и размышления на тему наследия монархии и ее будущего.

Есть и те, чье положение в обществе не позволяет мне публично признать их помощь. Но их неустанные консультации поистине бесценны.

Благодарю моего издателя Майкла О'Мару за его наставления и поддержку на этом сложном пути от идеи и до самого конца, результатом чего стало большое количество изданий, рассказывающих о трагически-неизбежном пути Дианы.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ ЗА ФОТОГРАФИИ

В марте 1992 года отец принцессы Уэльской Джон Спенсер, восьмой Спенсер, незадолго до своей кончины любезно предоставил доступ к личным семейным фотоальбомам. Многие фотографии, представленные в этой книге, как раз из этих альбомов. Выражаю глубокую признательность за этот щедрый вклад.

Источники всех остальных фотографий представлены в сопроводительной надписи.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сложно поверить в эту историю даже спустя 25 лет. Голливудские продюсеры пренебрегли бы ею, будь она сюжетом для фильма, за неправдоподобность: красивая, но несчастная принцесса, неизвестный писатель, дилетант-посредник и книга, которая изменила бы жизнь принцессы навсегда.

В 1991 году принцессе Диане исполнилось 30 лет. Всю свою сознательную взрослую жизнь она была в центре всеобщего внимания. В 1981 году архиепископ Кентерберийский описал брак Дианы с принцем Чарльзом как «сказку». В народном воображении принц и принцесса, благословленные двумя маленькими сыновьями, принцами Уильямом и Гарри, были образцовым лицом Дома Виндзоров.

Сама идея о том, что их десятилетний брак находится на грани катастрофы, казалась немыслимой, даже для печально известной своим воображением бульварной прессы. Издание «Сандей Миррор», описывая их совместную поездку в Бразилию, совершенную в том же году, охарактеризовало пару как «единый фронт против всего мира», подчеркивая, что их близость вызывала «мурашки восхищения» среди многочисленных представителей средств массовой информации.

Вскоре после этого мне пришлось узнать чистую правду. Неожиданным было и место этого необычайного разоблачения: это было простое кафе, где обедали рабочие, в малоизвестном пригороде Лондона Райслипе. В то время как

клиенты жадно поедали яичницу с беконом и запеченные бобы, я надел наушники, включил потрепанный диктофон и с нарастающим изумлением слушал неповторимый голос Дианы, которая изливала в стремительном потоке сознания свою печальную историю. Это было похоже на визит в другую вселенную, где принцесса рассказывает о том, как она несчастна, об ощущении предательства, о своих попытках самоубийства и двух вещах, о которых я раньше никогда не слышал: нервной булимии (расстройстве пищевого поведения) и женщине по имени Камилла.

Я вышел из кафе в растерянности, едва способный поверить в то, что услышал. Словно бы меня приняли в тайный клуб, который охраняет секрет. Страшный секрет. В тот вечер по пути домой я держался как можно дальше от края платформы в метро, пока мое подсознание окутывала та же паранойя, которую я испытал после просмотра фильма «Вся президентская рать»¹, рассказывающего о президенте Никсоне, проникновении в отель «Уотергейт» и последующем расследовании Вудворда и Бернстайна.

Вот уже почти 10 лет я писал о королевской семье и был частью медийного цирка, который вел хронику их деятельности во время поездок по всему миру. Как говорили члены так называемой королевской крысиной стайки², эти поездки были самым веселым из того, что можно сделать одетым. Множество раз я встречался с принцем Чарльзом и принцессой Дианой на приемах для прессы, которые проводились в начале каждого тура. Разговоры с принцессой были легкими, яркими и банальными: обычно речь заходила о моих пестрых галстуках.

---

¹ В оригинале *All the President's Men* — фильм, выпущенный на экраны в 1976 г. — *Прим. пер.*

² В оригинале *royal ratpack*. Так называют группу журналистов и/или фотографов, которые бестактно и агрессивно преследуют знаменитостей. — *Прим. пер.*

Однако жизнь королевского репортера не была одним сплошным развлечением. За кулисами королевского театра скрывалась масса упорной работы, налаживания контактов в стенах Букингемского и Кенсингтонского дворцов, где принц и принцесса Уэльские занимали апартаменты восемь и девять, с целью выяснить, как выглядит королевская жизнь без прикрас. Имея опыт написания книг о различных дворцах, богатстве королевской семьи и биографии герцогини Йоркской, а также и других работ, я был достаточно хорошо знаком с королевскими друзьями и придворными и полагал, что прекрасно понимаю, что происходит за коваными железными королевскими воротами. К такому я был не готов.

Мое приобщение к истине произошло только благодаря человеку, ответственному за запись на этом диктофоне. Впервые я встретился с доктором Джеймсом Колтерстом в центре Лондона, в октябре 1986 года, во время обычного королевского визита: он сопровождал Диану после того, как она торжественно открыла новый компьютерный томограф в рентгенологическом отделении в больнице Святого Томаса¹. Позже, за чаем с печеньем, я расспросил его о визите Дианы. Вскоре выяснилось, что Колтерст, выпускник Итонского колледжа и сын баронета, семья которого более века владеет замком Бларни в Ирландии, знает принцессу уже много лет.

Я решил, что это может быть полезным знакомством. Мы подружились, сыграв в сквош на кортах Святого Томаса, прежде чем отправиться на обед в итальянский ресторан, расположенный неподалеку. Болтливый, но рассеянный Джеймс был очень рад поговорить о чем-нибудь, кроме принцессы. Безусловно, он был знаком с ней достаточно хорошо, чтобы навещать ее, когда она еще была

---

¹ В православии святой Фома. — *Прим. пер.*

незамужней девушкой, жившей со своими подругами в Колхерн-Корте в Кенсингтоне, и слушать, как она вздыхала по принцу Чарльзу. Они с компанией друзей даже как-то съездили во Францию покататься на лыжах. Когда она повысилась до статуса принцессы Уэльской, вся свойственная ей легкая фамильярность была утеряна. Диана все так же с нежностью говорила о своем Колхерн-Корте, но уже в прошедшем времени.

Колтерст и принцесса возобновили свою дружбу только после ее визита в больницу Святого Томаса и теперь время от времени встречались за обедом. Со временем и его приняли в тайный клуб, позволявший заглянуть в реальную жизнь, которая выпала на долю принцессы, и это уже была не сказка. Было совершенно ясно, что ее брак потерпел неудачу, как и то, что у ее мужа был роман с Камиллой Паркер-Боулз, женой его армейского друга Эндрю, который имел любопытный титул при королевском дворе: *Silver Stick in Waiting*¹. Миссис Паркер-Боулз, жившая неподалеку от Хайгроув, загородного имения Уэльских, была так близка с принцем, что постоянно устраивала обеды и другие мероприятия для его друзей в его имении в Глостершире.

Хотя Колтерст и чувствовал, что ему доверили тайну, он был не единственным. От телохранителя, сопровождавшего принца во время его ночных визитов в дом Камиллы в Мидлвик-хаус, до дворецкого и шеф-повара, которым было приказано готовить и подавать ужин, к которому, как им было известно, он не притронется, так как отправился на встречу с любовницей. И до камердинера, который отмечал программы в телегиде «Радио Таймс», чтобы создать впечатление, словно принц провел спокойный тихий вечер дома. Все, кто работал на принца и принцессу, были

---

¹ Титул, схожий с должностью камергера. — *Прим. пер.*

вовлечены в обман, пусть и зачастую против своей воли. Камердинер принца Кен Стронах страдал от этой ежедневной лжи, их пресс-секретарь Дики Арбитер, по его словам, оказался в «невыносимом положении», поддерживая во всем мире иллюзию счастливой семьи, закрывая глаза на личную дистанцию между ними.

В июне 1990 года, когда принц Чарльз сломал руку во время игры в поло и был доставлен в больницу Сайренсестер, его подчиненные внимательно слушали полицейские радиосводки, которые сообщали о перемещениях принцессы Уэльской по пути из Лондона в больницу. Они прекрасно понимали, что до прибытия Дианы им необходимо вывести первого посетителя принца — Камиллу Паркер-Боулз.

Все, кто был посвящен в эту тайну, понимали, что кипящий котел обмана, уловок и двуличия рано или поздно выплеснется. Каждый день они спрашивали себя, как долго может продолжаться заговор с целью обмана будущей королевы. Возможно, бесконечно. Или до тех пор, пока принцесса не будет сведена с ума теми, кому она доверяла, кем она восхищалась, кто вновь и вновь говорил ей, что Камилла — всего лишь подруга. Все полагали, что ее подозрения были неуместны, всего лишь воображение «глупышки», как говорила королева-мать своему окружению.

Спустя много лет в своем знаменитом телеинтервью в программе BBC *Ranogata* Диана объясняла: «Друзья моего мужа указывали на то, что я вновь нестабильна, больна и меня стоит поместить в какое-нибудь заведение, чтобы мне стало лучше. Я была почти что позором для них».

Подозрения Дианы были не только далеки от бреда сумасшедшей, но и полностью оправдались, и болезненное осознание того, что ее повсеместно обманывал не только ее муж, но и все те, кто принадлежал к королевской свите, привело к абсолютному и вполне объяснимому недоверию

и презрению ко всему истеблишменту. Это была позиция, которая определила ее поведение на всю оставшуюся жизнь.

Пока Колтерст увлеченно поедал свою котлету по-киевски, он наблюдал за тем, как Диана играла с увядшими листьями салата и со смесью ярости и печали рассказывала о своем все более невыносимом положении. Она пришла к пониманию того, что, если она не предпримет радикальных действий, то будет пожизненно заперта в оковах безысходности и лжи. Ее первой мыслью было собрать чемоданы и сбежать в Австралию вместе со своими малышами. Подобная мысль была отголоском поведения ее собственной матери Фрэнсис Шанд Кидд, которая после болезненного развода с отцом Дианы, графом Спенсером, жила практически затворницей на мрачном острове Сейл на северо-западе Шотландии.

Однако такая позиция была лишь бравадой и ничего не решала. Главным вопросом было: как дать понять публике ее точку зрения на эту историю, пока будут распутываться юридические, эмоциональные и конституционные узлы, которые держали ее привязанной к монархии. Это было действительно затруднительное положение. Если бы она просто собрала свои вещи и уехала, общественность и СМИ, которые твердо верили в сказку, сочли бы ее поведение неразумным, истеричным и в крайней степени неподобающим. Казалось бы, она сделала все, что было в ее силах, чтобы решить эту проблему. Она говорила с Чарльзом и была проигнорирована. Затем говорила с королевой, но тоже натолкнулась на глухую стену.

Мало того, что она считала себя пленницей, запертой в горьком, несостоявшемся браке, но также ощущала на себе оковы совершенно нереалистичных публичных представлений о своей королевской жизни, а еще антипатию королевской элиты, которой, по ее словам, правили «серые кардиналы». Она чувствовала себя бесправной не только

как женщина, но и как человек. Внутри дворца к ней относились с любезной снисходительностью и видели в ней только изысканное украшение для своего титулованного мужа. «А пока Ее Королевское Высочество продолжит выполнять лишь небольшую часть своих обязанностей, но будет выполнять их наилучшим образом», — прокомментировал ее личный секретарь на встрече, которая была посвящена обсуждению будущих обязательств.

Помните, это была та самая женщина, которая в 1987 году сделала больше, чем кто-либо другой, для избавления от клейма, связанного со смертельным вирусом СПИДа, пожав руку неизлечимо больному пациенту в лондонской больнице Мидлсекс. Диана видела себя в гуманитарной деятельности, хотя она и не могла это выразить в полной мере, и это выходило за рамки унылого круга традиционных королевских обязательств.

Стоило ей только выглянуть из своей одинокой тюрьмы, не проходило и дня, как раздавался звук очередной захлопывающейся двери или скрежет очередного запертого замка, в то время как придуманная сказка все больше приукрашивалась в сознании общественности. «Она чувствовала, как над ней закрывается крышка, — позже вспоминал Колтерст. — В отличие от других женщин, у нее не было той свободы, чтобы уехать вместе с детьми».

Подобно узнице, осужденной за преступление, которого не совершала, Диана отчаянно нуждалась в том, чтобы рассказать миру правду о своей жизни, о страданиях, которые она испытывала, и о своих амбициях. Ее чувство несправедливости было абсолютным. Проще говоря, она хотела свободы высказывать свое мнение, возможности рассказать людям всю историю своей жизни и, исходя из этого, позволить им судить ее.

По какой-то причине Диана чувствовала, что, если у нее будет возможность изложить свою историю лю-

дям, своему народу, те действительно смогут понять ее, пока не стало слишком поздно. «Пусть они будут моими судьями», — сказала она, будучи уверенной, что публика не будет критиковать принцессу так же безжалостно, как это делала королевская семья или СМИ. Тем не менее желание рассказать свою правду сопровождалось мучительным страхом, что в любой момент ее враги из дворца могут счесть ее душевнобольной и упрятать под замок. И это не было бесосновательным страхом: когда в 1995 году интервью Дианы показали в программе BBC Panorama, Николас Соумс, на тот момент действующий министр вооруженных сил, близкий друг принца Чарльза и в прошлом его конюший, назвал ее поведение «паранойей в острой фазе».

Постепенно Диана и ее ближайшее окружение осознали, что до тех пор, пока история ее жизни не будет рассказана, общественность никогда не осознает и не поймет мотивов, которые побудили принцессу к тем действиям, решение о которых она приняла. Она обдумывала несколько вариантов: от заказа серии газетных статей до создания телевизионного документального фильма и публикации своей биографии. Диана знала, что хочет сказать; она изо всех сил пыталась найти посредника, через которого она сможет это сделать.

Как она тогда могла тайно передать свое послание внешнему миру? Анализируя социальный ландшафт Британии, она увидела, что у ее истории существует всего лишь несколько выходов. Виндзоры — самая влиятельная семья в стране, ее щупальца плотно обвивают тех, кто принимает решения на телевидении и в прессе. Авторитетные СМИ, такие как BBC, ITV, и так называемые солидные издания подверглись бы всеобщей критике, если бы Диана дала понять, что хочет, чтобы они опубликовали правду о ее положении. Опять-таки, если бы ее история появилась в буль-

варной прессе, высшее общество опровергло бы ее, назвав преувеличенным вздором.

Что же делать? В небольшом кругу ее близких друзей переживали по поводу душевного состояния Дианы, некоторые опасались за безопасность принцессы. Было известно, что в прошлом она предпринимала несколько нерешительных попыток самоубийства, и по мере нарастания ее отчаяния друзья искренне беспокоились, что она может свести счеты с жизнью. Переживания смягчала лишь уверенность, что в конечном итоге любовь к своим детям никогда не приведет ее на этот путь.

Тогда она знала, что я изучаю ее биографию, и была вполне довольна более ранней работой «Дневник Дианы»¹. Главным образом потому, что эта книга раздражала принца Уэльского подробным описанием интерьера Хайгроува. Пока я собирал сведения для «Дневника...», уже слышал намеки и слухи о том, что не все так хорошо в мире Уэльских. Эти сплетни были всего лишь слепым подспорьем перед грядущим едва усваиваемым пиром информации.

Диана постепенно проверяла меня, конечно, не ставя об этом в известность. Она ясно дала понять Колтерсту, что не против того, чтобы он делился со мной крошечными кусочками информации. В марте 1991 года он позвонил мне из телефонной будки откуда-то с южной окраины Ирландии и сообщил, что уволен личный секретарь принца Чарльза сэра Кристофер Эйри. Вышедшая в результате статьи в газете «Сандей Таймс» привела Диану в тихий восторг от осознания, что она тайно произвела собственный залп в сторону собственного мужа. Были и другие проверки, которые хоть и не были загадками принцессы Турандот из оперы Пуччини, но требовали успешного разрешения.

---

¹ Речь идет о другом произведении автора — *Diana's Diary: An Intimate Portrait of the Princess of Wales*, 1990 г. — *Прим. пер.*